

Б.И. Буйло

доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

г. Москва, Россия

builobi@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИСТОКИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ Н. БЕРДЯЕВА [Builo B.I. Culture traditions and formation of Russian national self-consciousness in the views of N. Berdyaev]

Russia, according to N. Berdyaev, advocates a kind of the point of intersection of the two main streams of world history - East and West. It combines both of these worlds, combining a bizarre way in the Russian soul east and west beginning. Confrontation between the two began in the traditions and character of the Russian people largely determined by the characteristics and specificities of its history. Contradictions and opposites development can be found in many people lives, but in Russia they reach the highest degree of polarization. The reasons for this phenomenon is largely due to the dual nature of the character of Russian people. It organically coexists two poles of world culture: East and West. East and West must become Russia and Russia should finally establish Europe and Asia. It is its world vocation.

Key words: community, collegiality, identity, freedom, wanderer, prophet, holiness, cosmopolitanism and nationalism, intellectuals.

Россия, по мнению Н. Бердяева, выступает своеобразным местом пересечения двух основных потоков мировой истории – Востока и Запада. Она объединяет в себе оба эти мира, причудливым образом сочетая в русской душе восточное и западное начало. Противостояние двух начал в традициях и характере русского народа во многом предопределило особенности и специфику его истории. Взятая эмпирически, она содержала в себе много такого, что отталкивало. Но постижение истории России, с точки зрения ее роли и места в мировом культурно-историческом процессе, раскрывает образ устремленной в будущее «святой Руси».

У русских людей издавна было предчувствие особой миссии России в мире. «Русская национальная мысль – писал Н. Бердяев – питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы, как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в период наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен» [1]. Этого не может быть и в истории народа.

Для западного человека Россия всегда была загадочным Востоком, то отталкивающим своим варварством, то притягивающим своей таинственностью. Это был Восток, который территориально граничил с Западом, поэтому его военно-политическое присутствие в Европе ощущали постоянно. Как государство, Россия уже давно признается всеми в качестве великой державы, но ее духовное влияние на Запад ничтожно. Даже имеющие мировое признание деятели русской культуры воспринимаются там не как часть западного духовного мира, а в основном, как явление восточной экзотики.

России необходимо выйти за рамки этого духовного провинциализма, иначе она никогда не займет подобающего ей положения в мире и не сможет играть ведущую роль в решении поставленных перед человечеством мировых задач. «Но осуществление мировых

задач России – отмечал Н. Бердяев – не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запада принуждены будут, наконец, увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной» [1, с.227-228]. На всем протяжении российской истории ее мыслители пытались приблизиться к разгадке этой тайны.

Они стремились раскрыть истоки духовного своеобразия России, изучить специфику культурных традиций и характера ее народа. Однако даже первое, поверхностное к нему обращение, показывало его предельную антиномичность и противоречивость. Обнаруживается определенная тяга к анархизму, стремление к отказу от всяких форм государственности и вместе с тем деспотизм, гипертрофия государства. «В основе русской истории – подчеркивал Н. Бердяев – лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле» [1, с.229]! Создается впечатление, что русскому человеку нужно не свободное государство, а освобождение от самой государственности. Он как бы вообще не хочет обременять себя заботами об устройстве своей земли. Русский человек желает не власти, а того, чтобы перенести на власть все бремя забот и ответственности. Естественно, что при этом сам он оказывается в ее полном подчинении и распоряжении.

Но русский народ построил могущественную империю; государство, которое постоянно расширяло свои границы и достигло огромных размеров. Все его творческие усилия и энергия шли на поддержание и повышение мощи государства. Вся история русского народа убеждала его в том, что любое ослабление государственной власти приводило к угрозе внешнего вторжения и иноземному завоеванию.

Поэтому сила и мощь государства приобрели для народа характер самодовлеющей и определяющей субстанции. «Почти не оставалось сил у русского народа – писал Н. Бердяев – для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран» [1, с.231]. В этих условиях личность оказывалась полностью зависимой от государства и, в основном, выполняла служебные для него функции.

Такое положение государства в истории российского общества приводило к разрастанию и усилению роли в нем бюрократии. «Русская государственность – отмечал Н. Бердяев – занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни» [1, с.231]. Из внутреннего принципа государственная власть превратилась во внешнюю и чуждую для народа силу.

Эта тенденция отчуждения и противопоставления власти обществу только возрастала по мере усиления влияния «немецчины» в русской государственности. В сознании простых людей власть становится чем-то иноземным, и они не стремятся участвовать в государственных делах. Русский человек как бы снимал с себя ответственность за все, что происходило в государстве. Все это не способствовало формированию его личных качеств и достоинств.

Даже для представителей привилегированных сословий русского общества право на принятие решений и ответственность за их выполнение всегда были прерогативой власти, а не личности. «Очень характерно, – подчеркивал Н. Бердяев – что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного

достоинства и чести, создает закал личности» [1, с.230]. Русская история не способствовала формированию таких рыцарских качеств личности.

Коллективизм, общинность и соборность были специфическими чертами сознания русского человека. Национализм в том виде, как он существовал в странах Западной Европы, у русского народа до начала XX века практически отсутствовал. Национальное самодовольство и самоуверенность никогда не были характерны для русских людей.

Простой русский человек всегда относился к шовинизму и национализму как явлениям привнесенным и иноземным. «Русские – писал Н. Бердяев – почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство» [1, с.232]. В природе русского человека была готовность к самопожертвованию, к бескорыстной помощи другим, что не было свойственно представителям западных народов.

Русская интеллигенция всегда придерживалась «сверхнациональных» идеалов, национализм воспринимался ею как отвратительное и неприемлемое явление. «И как ни поверхностны, – отмечал Н. Бердяев – как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа. Интеллигенты-отщепенцы в известном смысле были более национальны, чем наши буржуазные националисты, по выражению лица своего похожие на буржуазных националистов всех стран» [1, с.232]. В доктринах русской интеллигенции отражалась смутная вера в то, что подлинный дух России – это вселенский дух.

Универсализм и сверхнационализм были существенными чертами сознания русского народа. Современный национализм в России явился следствием ее европеизации. В Западной Европе практически каждая нация имела склонность к самовозвеличению и приданию себе центрального значения. Это в значительной степени было следствием стремления к сохранению собственной самобытной культуры в условиях постоянных процессов взаимопроникновения и влияния национальных культур.

Однако и в традициях русского народа имели место глубоко националистические черты, которые все же сильно отличались от проявлений национализма на Западе. «Обратной стороной русского смирения – подчеркивал Н.Бердяев – является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия – «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной, – страной святых, живущих идеалами святости» [1, с.233]. В сознании русского народа Россия становится не только самой христианской, но, фактически, единственной подлинно христианской страной. Поэтому появляется негативное отношение к католицизму и другим христианским конфессиям, догматы которых исповедовали, в том числе и народы, входившие в состав России.

Все это приводило к тому, что «Россия, по духу своему призванная быть освободительницей народов, – писал Н. Бердяев – слишком часто бывала угнетательницей, и потому она вызывает к себе вражду и подозрительность, которые мы теперь должны еще победить» [1, с.233]. В России осуществилась национализация церкви, в связи с чем, церковный национализм становится характерно русским явлением.

Русифицированного православия придерживались не только старообрядцы, но и господствующая православная церковь. Это приводило к тому, что христианская духовная близость воспринималась через призму национального или этнического родства. Такое понимание христианства искажало его природу и подрывало устои веры.

Национализация церкви в условиях России неизбежно вела к ее огосударствлению. «Россия в массе своей – отмечал Н. Бердяев – исповедовала религию родовой плоти, а не религию духа, смешивала родовой, природный коллективизм с коллективизмом духовным, сверхприродным» [1, с.241]. Но духовная свобода очень высоко ценилась в России на протяжении всей ее истории. Своим сокровенным отношением к внутренней свободе,

бесконечной свободе во Христе, исканием Божьей правды и странничеством русский народ сильно отличался от народов Западной Европы.

На Западе на протяжении всей его истории все было более или менее детерминировано, распределено и оформлено. Имелись четкие социальные различия и градации. «В России – подчеркивал Н. Бердяев – не было резких социальных граней, не было выраженных классов. Россия никогда не была в западном смысле страной аристократической, как не стала буржуазной» [2]. В глубине души русский человек всегда негативно воспринимал мещанство и никогда его не идеализировал.

Если на Западе большая часть населения относилась к буржуазности как к добродетели; к ней здесь стремились, ради нее часто жертвовали всем, то в России даже в самой буржуазной среде к ней преобладало критическое отношение. «В русском народе – писал Н. Бердяев – поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами» [1, с.236]. В России нет той давящей атмосферы мещанской семьи, которая преобладает на Западе.

Буржуазные условности чужды сознанию русских людей. «Русский человек – отмечал Н. Бердяев – с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен» [1, с.236]. Странник – это абсолютно свободный, не связанный никакими условностями и земными благами человек. Везде, где он живет, для него лишь временное пристанище, у него нет обывательской тяги к какому-то одному месту. На земле он чувствует себя пришельцем и скитальцем, его подлинный, незримый дом – град Божий. Его жизнь – это вечный поиск Божественной правды, пути к спасению души.

Ничто земное, временное русского человека в конечном итоге не удовлетворяет. «Есть мятежность, непокорность – писал Н. Бердяев – в русской душе, неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным. Все дальше и дальше должно идти, к концу, к пределу, к выходу из этого «мира», из этой земли, из всего местного, мещанского прикрепленного. Не раз уже указывали на то, что сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей» [1, с.237]. Однако в рамках своего материализма она стремилась к справедливому навеки, и в этом смысле, абсолютному бытию.

Но, несмотря на наличие высокой степени бытовой свободы в России, личность в ней всегда была задавлена средой или коллективом. Конкретные представители даже господствующего сословия – дворянства, были лишены не только правосознания, но во многом и политического достоинства. За всех все решали: коллектив, власть и государство. Никто, в том числе и революционно настроенная интеллигенция, не проявляли потребности к самостоятельности или хотя бы активности, заимствуя, в конечном итоге, революционные учения в Европе.

Запад также воспринимался пассивно, без какого-либо желания к творческой переработке. «Россия, – подчеркивал Н. Бердяев – столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилитическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нас спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицала культуру» [1, с.239]. Крайности в отношении к Западу стали характерной чертой русского самосознания.

Противоречия и противоположности развития можно обнаружить в жизни многих народов, но в России они доходят до высшей степени поляризации. Причины этого явления во многом связаны с двойственной природой характера русского человека. В нем органически уживаются два полюса мировой культуры: Восток и Запад. Поэтому излечиться от крайностей Россия может, лишь соединив в себе оба эти начала, сделав их сторонами своей внутренней, имманентной сущности.

Восток и Запад должны стать Россией и Россия должна окончательно утвердиться Европой и Азией. В этом состоит ее мировое призвание. Духовно объединиться, обрести себя в качестве органической целостности, Россия может, лишь соединив в единое целое весь мир. «И Россия, – писал Н. Бердяев – занимающая место посредника между Востоком и Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству» [1, с.242]. В связи с этим расчленение России по национальному или территориальному признаку приведет в конечном итоге к еще большему разделению самого мира.

В политике, как и в целом в жизни, русские люди искали пророка в образе вождя, который сможет найти путь к спасению и укажет его всем. Они готовы были жертвовать собой, идти на подвиг во имя идей, требующих кардинального переустройства общества.

Но при этом русский человек, как правило, не стремился их творчески осмыслить. Ответственность за все происходящее полностью переключалась на тех, кто стоит во главе; кто является нынешней или может стать будущей властью. В данном аспекте русский народ, включая и интеллигенцию, абсолютно аполитичен.

Интеллигенция не стремится участвовать в русской истории, она не желает понять смысл ее развития. Для русской интеллигенции неприемлемы ее трагизм и противоречивость. Она лишь морализирует над историей. «Русский интеллигент – подчеркивал Н. Бердяев – никогда не уверен в том, следует ли принять историю со всей ее мукой, жестокостью, трагическими противоречиями, не праведнее ли ее совершенно отвергнуть. Мыслить над историей и ее задачами он отказывается, он предпочитает морализировать над историей, применять к ней свои социологические схемы, очень напоминающие схемы теологические» [1, с.296]. Отмеченные Бердяевым черты характерны и для формирующейся современной интеллигенции в России.

Ее морализация над советской историей приводит к тому, что 30-40-е годы воспринимаются исключительно негативно, только как годы террора и политических репрессий. Для части интеллигенции, которая стоит на указанных позициях, фактически нет ничего положительного ни в коллективизации, ни в советской индустриализации и первых пятилетках, ни даже победе народа во второй мировой войне.

Гибель невинных людей, политические репрессии, разумеется, являются преступлением против собственного народа и не могут быть ничем оправданы. Но из этого не следует, что нельзя принимать в качестве положительных аспектов рассматриваемого периода советской истории, быстрый экономический рост, постоянный рост среднего уровня жизни населения, патриотизм и победу над фашизмом в отечественной войне.

Морализация над историей исключает возможность ее объективного анализа. Она не позволяет вскрыть подлинные причины имевших место аморальных и преступных действий, без чего невозможно гарантировать недопущение их рецидивов в настоящем и будущем. Такая позиция позволяет превратить гибель невинных людей в объект манипуляций в борьбе за власть и создает предпосылки для спекуляций со стороны определенной, далеко не праведной, части общества.

Для большей части русской интеллигенции, отмечал Бердяев, вообще характерно неглубокое знание собственной истории и отсутствие стремления к ее творческому изучению. «Наша общественная мысль – писал он – была нарочито примитивной и элементарной, она всегда стремилась к упрощению и боялась сложности. Русская интеллигенция всегда исповедовала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие легкий и упрощенный способ всеобщего спасения, но не любила и боялась самоценной творческой мысли, перед которой раскрывались бы бесконечно сложные перспективы» [1, с.296-297]. В своей основной массе радикальная интеллигенция исповедовала крайне упрощенные, элементарные идеи.

Для русской интеллигенции всегда было характерно стремление к коллективизму и общности, причем не только в действиях, но и в мысли. Но подлинная духовность может проявить себя только как выражение богатства индивидуальных качеств личности, она не может быть следствием суммы множества мнений. «Идея, смысл – подчеркивал Н. Бердя-

ев – раскрывается в личности, а не в коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный. Без великой ответственности и дерзновения личного духа не может осуществляться развитие народного духа» [1, с.297]. Коллективная среда создает единообразие и не способствует проявлениям личной инициативы.

Отмеченное выше, естественно, не означает, что коллектив или социальная общность не нужны или тем более вредны. Просто любое объединение людей должно иметь своей целью создание условий для максимально свободного и всестороннего раскрытия личных качеств человека, то есть нести в себе соборный дух. В России же народ и интеллигенция объединялись в социальную общность путем, как правило, отказа от личной индивидуальности в пользу целого.

Целостный подход доминировал и в мышлении русского человека. В этом, конечно, было свое рациональное зерно. «В восстании против отвлеченной мысли и в требовании мысли целостной – писал Н. Бердяев – была своя большая правда и предчувствие высшего типа мысли» [1, с.298]. Однако данное требование целостности оставалось именно предчувствием, неспособным к дифференциации и анализу.

Человеческая мысль не может адекватно воспроизвести целостность без ее предварительного расчленения и раздвоения. «Первоначальная органическая целостность – отмечал Н.Бердяев – не может быть сохранена и перенесена в высший тип духовности, без мучительного дифференцирующего процесса, без отпадения и секуляризации. Без сознания этой истины органически целостная мысль переходит во вражду к мысли, в бессмыслие, в мракобесный морализм» [1, с.298-299].

Русского интеллигента всегда пугает перспектива объективного анализа собственной истории. Он боится, что моральная оценка многих происходивших в ней далеко не праведных событий, подорвет его веру в историческую миссию России, что для русского интеллигента будет равносильно духовному краху. Поэтому вместо осмысления своей истории он продолжает морализировать над ней. «Своеобразие и оригинальность русской души – подчеркивал Н. Бердяев – не может быть убита мыслью. Боязнь эта есть неверие в Россию и русского человека» [1, с.299]. Морализация над историей неизбежно превращает ее в череду аморальных и преступных действий.

История Древней Руси, Российской империи, как и история Советской России, изобилует примерами нарушения норм и правил современной морали. То же самое, правда, можно сказать и об истории любого другого государства. «Для чисто моралистической точки зрения, – писал Н. Бердяев – переносящей на историческую действительность моральные категории личной жизни, не существует исторических задач и ценностей жизни исторической, как самостоятельной сферы» [1, с.390]. Человек, морализирующий над историей государства, обязательно будет воспринимать ее как безнравственное деяние.

Вследствие этого, чтобы принять данную историю, он вынужден будет исказить или даже фальсифицировать ее. Историк, как и любой человек, по мнению Бердяева, должен понимать, что моральные категории и ценности его личной жизни – это великие, но не единственно возможные ценности.

Нельзя историческое прошлое народа рассматривать через призму современной индивидуальной морали. «Мировая борьба народов в истории – отмечал Н. Бердяев – определяется не моральными прерогативами. Это – борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество» [1, с.388]. В процессе своего исторического существования народ борется за право на достойную жизнь, «а не за прямолинейную справедливость».

Это не надо понимать как возможность оправдания аморальных действий. Нарушение норм и принципов морали в различные периоды истории подлежат осуждению, кем бы они ни совершались. Но в данном случае необходимо учитывать, что высшим критерием, в том числе и нравственной оценки, событий в истории народа, является их роль в его борьбе за достойное существование. Применительно к истории России это означает, что

оценка происходящих в ней различных событий, должна основываться на их роли в создании достойной жизни для народа.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России М., 1997.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., Наука. 1990.
3. Буйло Б.И. Н. Бердяев и евразийцы: сходство и различие позиций // Гуманитарные и социальные науки. 2013, № 3. http://www.hses-online.ru/2013_03.html

References

1. Berdyaev N.A. Fate of Russia // NA Berdyaev Russian idea. The main problems in Russian thought of the nineteenth century and early twentieth century. The fate of Russia, Moscow, 1997.
2. Berdyaev N.A. Russian idea. The main problems of Russian thought of the nineteenth century and early twentieth century // About Russia and Russian philosophical culture. Russian philosophers abroad after October. Pergamon. 1990.
3. Builo B.I. Berdyaev and Eurasians: similarities and differences between items // Humanities and Social Sciences. 2013, № 3. Http://www.hses-online.ru/2013_03.html

2 июня 2014 г.